

10

СОБЕСЕДНИК № 18
АПРЕЛЬ 1989

ВЗГЛЯД

От смерти — к бессмертию

Вокруг имени Владимира Маяковского сегодня споры разгораются с новой силой. Мы не ошибемся, если скажем, что особый интерес вызывают три дня между самоубийством и его похоронами: с 14 по 17 апреля 1930 года. Но, увы, чаще споры основываются на эмоциях, чем на фактах и документах.

Мы благодарим Государственный музей В. В. Маяковского за предоставленную нам возможность **ВПЕРВЫЕ** опубликовать документы, касающиеся четырех траурных дней. Дней, с которых началось бессмертие великого поэта.

Строками хроники

14 апреля.

«14 апреля, в 10 часов 15 минут утра, в своем рабочем кабинете (Лубянский проезд, 3) покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. Как сообщил следователь т. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта». «Постановлением секретариата федерации советских писателей создана комиссия по организации похорон В. В. Маяковского. В состав комиссии вошли: тт. Асеев, Беспалов, Гронский, Ионов, Керженцев, Кириллов, Кон, Лежава, Либединский, Любимова, Малышкин, Огнев, Селивановский, Сутырин, Троицкий, Халатов. (Председатель комиссии А. Халатов)».

«В 18 ч. 30 минут скульптор К. Луцкий и формовщик К. Кучеров сняли посмертную маску с лица покойного поэта».

«20 часов. Профессора из Института мозга берут мозг В. Маяковского на исследование».

Мозг В. Маяковского весит 1700 граммов. Средний вес человеческого мозга 1300—1350 граммов».

«В полночь тело В. Маяковского перевезено в Клуб писателей». «Всю ночь у тела покойного сменялись почетные караулы из друзей поэта и представителей литературных и общественных

организаций. В первом карауле стояли: Асеев, Кольцов, Кирсанов, Каменский, потом — Третьяков, Смирнов-Сокольский, Шамардина, Шкловский, Беспалов, Олеша».

15 апреля.

«Комиссия по организации похорон В. В. Маяковского извещает, что тело писателя с 10 часов сегодняшнего дня будет находиться в здании клуба ФОСП, ул. Воровского, 52. О дне и часе кремации будет объявлено особо».

«Сегодня в 12 час. 30 м. у гроба В. В. Маяковского поставлен почетный красноармейский караул».

В гражданском карауле — Бухарин в расстегнутой кожаной тулупе».

«Под руководством проф. Остроумова тело Маяковского бальзамировано».

«Зрительный зал декорируется под руководством художника Родченко, Денисовского, Левина, Татлина, проф. Штеренберга».

«Под черным крылом траурного полотнища стоит гроб, обитый красным сукном. Два прожектора скрестили лучи над телом поэта».

16 апреля.

«В клубном зале сменяются один за другим духовые и струнные оркестры. Каждые три минуты меняется почетный караул. До ночи медленным шагом идут шеренги прощающихся».

«Президиум Моссовета постановил принять расходы по похоронам В. В. Маяковского на свой счет».

«Мать и сестры Владимира Маяковского извещают, что гражданская панихида о дорогом сыне и брате состоится 17 апреля в 15 ч. в клубе ФОСП. Вынос тела в 17 ч. Кремация в 18 ч. 30 м.»

«От делегации рабочей молодежи на гроб Маяковского возлагается венок, сделанный из шестерен, с надписью «Железному поэту железный венок».

17 апреля.

«15.30. Гражданская панихида. Оркестр Софила».

Выступают: А. Халатов, А. Луначарский, Любимова, Л. Авербах, К. Федин, А. Троицкий, Ф. Кон, С. Третьяков, в заключение С. Кирсанов прочел последнее стихотворение Маяковского — «Во весь голос».

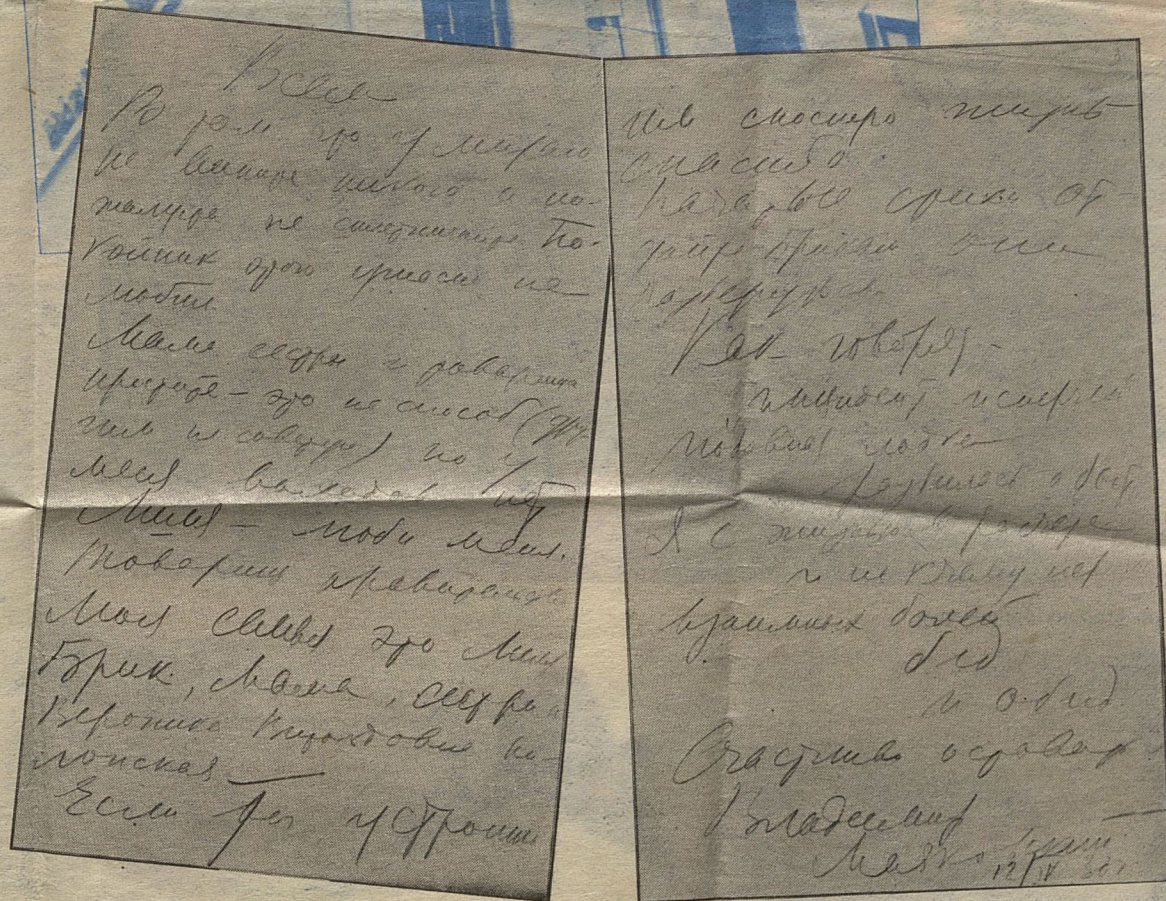
Маршрут похоронной процессии: улица Воровского — Арбатская площадь — Знаменка — Волхонка — Ленивка — Б. Каменный мост — Б. Якимянка — Донская улица».

«150000 читателей Маяковского пришли проститься с ним. Десятки тысяч провожали его гроб».

«В регистрационной книге крематория — запись: 942-й день работы крематория. 17 апреля 1930 г.

Фамилия, имя, отчество: Маяковский, Владимир Владимирович. Возраст: 36 лет.

Время: 7 часов 35 минут».

Свидетельствуют современники

«...Владимир Владимирович, кроме того письма, которое ты знаешь, оставил еще два — одно Полонской, другое сестре. Их я не знаю. В последнее время он был в тяжелом настроении. Ушел с диспута о «Бане», где журналистская аудитория хамила и мучила его. В ночь перед смертью он до двух часов был у Катаева. Потом поехал на Таганку. Утром заехал к Полонской. Эта женщина, маленькая кинематографистка, замужняя, снималась в «Стеклоном глазе», в пародийной части картины. В прошлом году у Владимира Владимировича был другой роман, тоже несчастливый. Эта женщина не хотела ехать с Владимиром Владимировичем, он плакал. Они поехали вместе на его квар-

тиру. В 10.15 он застрелился в дверях своей комнаты. В револьвере была одна пуля. Женщина растерялась. Вызвала соседку и уехала. Ее арестовали. На репетицию к вечеру она была выпущена. Стихи в письме странные, как ты видишь. Они еще тяжелее цыганских романсов Блока. Стихи из большой поэмы, обращенной к Лиле Брик. Я думаю, что Полонская — это ложный адрес огромной неудачной любви, которую нельзя было простить себе. Володя изолировался от своих. Он был искренне предан революции. Нес сердце в руках как живую птицу. Защищал ее локтями. Его толкали. И он чрезвычайно устал. Личной жизни не было. Поэт живет на развертывании, а не на забвении своего горя. Он страшно беззащитен. Маяковский прожил свою жизнь

без читательского окружения, и все его толкали, а у него были заняты руки, и он писал о том, что он умрет. Слова были рифмованы. Рифмам не верят. Его толкали. Он умер чрезвычайно усталым. Осталась стопка тетрадей ненапечатанных стихов. Они написаны все в последнее время. Лежит Владимир Владимирович в клубе писателей. Идет много народа, десятки тысяч. Мы не знали, читали ли они его». (Шкловский В. Б., 16—17 апреля 1930 г.).

«Семье Владимира Маяковского. Я никогда не видел и не слышал Маяковского, но любил его так, как можно любить поэта, за каждой строчкой стиха которого следишь, каждую строчку «вливаешь» в себя... Читавших Маяковского, ждущих с нетерпением его печатного слова — много. Тем больше смерть — никому не нужная, нелепо-неожиданная, вырвавшая из жизни человека, бывшего неотъемлемым «куском фундамента» строящейся громады социализма... Для меня, как и для сотен других, смерть Маяковского равна глубокой личной потере... Его смерть в момент ожесточенной борьбы за социализм нельзя не осуждать, но все-таки я уважаю его мертвого так же, как любил живого... Близким Маяковского — выражаю искреннее сочувствие в постигшем их горе». (Григорьев, Архангельск, 17 апреля 1930 г.).

«Он погиб. Тяжело и мрачно стало на сердце, когда прочла газетную весть. Его поэзии я не любила, с ним во многом не соглашалась и еще в большем упрекала, но ценила. У нас он, Маяковский, был один. Вот он умер... Только странно: вот когда он умер, многое из его порой барабанной поэзии стало мне понятным. Такие, как он, не умирают долго, а он, вероятно, не умрет никогда». (Читальница. Станция Рачейка, 17 апреля 1930 г.).

«...Вчера была на гражданской панихиде В. В. Маяковского у нас в Доме Печати, вернее, около Дома Печати... Помещение оказалось слишком мало. Публика кипятилась, сломала двери (вырвала с петель), и парадную, и с черного хода. Была вызвана милиция, сначала пешая, ретиво охранявшая сломанную дверь, потом конная (семь конных милиционеров), врезавшаяся в толпу и оттеснявшая ее от дверей, и проложившая дорогу в здание отряду красноармейцев (кажется, музыкантам). На время Штейнману удалось организовать толпу. С балкона он произнес речь, которая напечатана в сегодняшней «Правде». Потом говорил Майзель (от пролетарских писателей). Публика притихла, чутко внимая... Выходит Лавренев. Глухо долетают протяжные слова: «Товарищи! Федерация писателей признает свою ошибку. Мы никак не думали, что Владимир Владимирович пользуется такой популярностью среди масс, не ожидали наплыва тысячных толп и потому не учли нужного размера помещения. Мы постараемся исправить свою ошибку — в один из ближайших дней мы организуем вечер памяти В. В. Маяковского в одном из самых больших залов нашего города. А теперь, товарищи, разрешите напомнить вам, что покойный, память которого вы пришли почтить, был человек организованный. Именем этого человека прошу вас организованно разойтись. Вечер отменяется и концерт переносится на один из ближайших дней...» (Автор неизвестен. Письмо Третьякову С. М., Ленинград, 17 апреля 1930 г.).

«...Был очень доволен, что сестра принесла ему любимых винных ягод, все время их ел. Потом вдруг запел песенку: «Пиу, пиу, да кругом все летала под окном! Пиу, пиу, чик!» «Оля, ты помнишь эту песенку? Ты пела ее в детстве?!» Когда гости ушли и Володя остался с сестрой, он подробнейшим образом расспросил о маме,

о нашей жизни... И когда уходила сестра, сказал: «Я очень рад, что ты пришла, приходи еще». Просил донести книжки «Облако в штанах» и «Человек» и обещал оставить просимые деньги. 12-го утром сестра условилась по телефону, что занесет книжки на Лубянку. Занесла их и оставила. 13-го мы не имели никаких сведений. А 14-го утром несчастье... Я обычно работаю на фабрике. Вызывают по внутреннему телефону. Иду, думаю, по делу. Вижу домашнюю работницу Брик. Сразу волнуясь, думаю, что случилось несчастье с мамой и Володя прислал ко мне. Но она говорит: «У вас случилось несчастье. Застрелился Владимир Владимирович». Я не могла говорить, не могла понять. Летим на Лубянку. Во дворе масса народу, карета «скорой помощи». Сомнений нет... Бегу по лестнице. Комната закрыта, там допрос Полонской. Меня не пускают в комнату. Я мучаюсь за маму и сестру. Как сказать. Сказали, что за мамой послали. Не едет... Еду за сестрой. Много раз бегаю по лестнице вверх и вниз. Звоню куда-то. Привожу сестру. На Лубянке все съехались. Мечемся в ужасе... Володю перевезли в Гендриков. Поехали туда. Вечером перевезли на Поварскую в дом Писателей. Мы — у гроба Володи, живого, деятельного... 36 лет наполнявшего нашу жизнь радостью, тревогой, любовью, интересом. И все разбито. Три дня непрерывно проходят перед гробом Володи тысячи людей. Выразительно и трогательно звучит похоронная музыка далекой родины. И все больно, непонятно, неожиданно и страшно... Тысячи людей провожают Володю. У крематория толпа оттесняет нас. Кто-то кричит: «Пропустите родных!» Из толпы взволнованный голос отвечает: «Мы все ему родные...» (Маяковская Л. В. Из дневника. Москва, 1930 г.).

Ольга Землякова, Аида Сердитова, сотрудники Государственного музея В. В. Маяковского.

